

ВОСТОЧНЫЙ СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080004457-9

ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ПАКИСТАНСКОЙ НАЦИИ

© 2019

В. Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8471-928X>; enitsky@yandex.ru

В задачи статьи входит проследить пути формирования пакистанской нации как уникальной, до конца не устоявшейся мусульманской государственной общности, существующей на территории между индуистской по большей части Южной Азией и исламским Ближним и Средним Востоком. Предполагается охарактеризовать слабую, «остаточную» конфедеративность (федеративность) Пакистана, фрагментарность страны, меняющийся состав ее правящей военно-политической элиты и современные социополитические тренды. Отдельно рассмотрены социальные проблемы, социально-экономические и демографические процессы. Автор делает попытку противопоставить динамизм общества консерватизму государства и оценить перспективы Пакистана как нации.

Ключевые слова: Пакистан, мусульманская нация, структура правящей элиты, этнополитические процессы, федерализм, урбанизм.

Для цитирования: Белокреницкий В.Я. Формирование и современное состояние пакистанской нации. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. Рр. 76–91. DOI: 10.31857/S086919080004457-9

Благодарность: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

FORMATION AND PRESENT CONDITION OF PAKISTANI NATION

Vyacheslav Y. BELOKRENITSKY

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID ID: [bvhttps://orcid.org/0000-0001-8471-928X](https://orcid.org/0000-0001-8471-928X); enitsky@yandex.ru

The aim of the article is to reveal ways of formation of Pakistani nation which is a unique not yet fully established Muslim state community existing on the territory between predominantly Hindu South Asia and Islamic Middle East. The intention is to demonstrate weak, 'residual' confederative (federative) roots of Pakistan, fragmented composition of the country, changing origin of its military-cum-civil elite as well as current socio-political trends. Social problems, socio-economic and demographic processes are touched upon too. The author attempts to juxtapose dynamism of the society and conservatism of the state and to assess perspectives of Pakistan as a nation.

Conclusions reached in the article include the assumption that the Pakistani nation, though born as a completely new political entity, has come of age. The majority of Pakistanis feel proud of the country and its achievements including the possession of missile and nuclear arsenals. They are as a rule well disposed towards the national army. In addition to the 'negative' identity based on traditional hostility to India the Pakistani nation has obtained a 'positive' one derived from common history of the last more

than 70 years, religion of the overwhelming majority and belonging to the soil and culture of the Indus Basin region. National identity has become stronger than various ethnic identities although local sentiments have been preserved and can hypothetically play a destructive role. The conflict in Afghanistan and instability in the Middle East may complicate consolidation of the nation by propping up ethno-religious militancy in backward areas populated by Baluchis, Pakhtuns and Southern Punjabis.

Keywords: Pakistan, Muslim nation, structure of ruling elite, ethno-political processes, federalism, urbanism.

For citation: Belokrenitsky V.Ya. Formation and the present condition of Pakistani nation. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 76–91. DOI: 10.31857/S086919080004457-9

Acknowledgements: the Article was prepared within the framework of the program of fundamental research of the RAS Presidium : “Culturally complex societies: understanding and management”.

Согласно точке зрения ведущих отечественных ученых-этнологов В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана и других концепция нации может восходить как к этническим группам, так и к государствам [*Национализм в мировой истории*, 2007, с. 13–14; *Культурная сложность современных наций*, 2016, с. 7–8]. Производна отсюда и двойственность национализма в качестве идеологии как этнической, так и государственной, гражданской. Понятию отдельного суверенного государства соответствует представление о национальном обществе, состоящем из людей, объединенных фактом государственной принадлежности. На современном Востоке и на транзитном постсоциалистическом пространстве оно чаще всего вторично по отношению к государству, т.е. появление государства давало старт процессу складывания общества.

За редким исключением, так было и в позднейшей мировой истории. Национальное общество формировалось в рамках государственных границ, определявшихся в результате жесткой борьбы за власть между различными на нее претендентами [Tilly, 1992]. Впрочем, в Европе складывающееся в государственных рамках общество имело обычно в качестве подоплеки определенное историческое, этническое и/или культурно-религиозное единство. Но главным элементом в дихотомии «государство – общество» оставалось властное начало в виде правящей династии либо господствующей элиты, «создававшими» общество «под себя». Такое, сверху вниз, строительство общества приводило, как правило, к формированию унитарной системы правления, боровшейся с тенденциями к автономии и федеративности в зонах перекрестного с соседями влияния.

К исключениям из этой закономерности принадлежит образование государств на конфедеративной основе. К таким можно, наверное, отнести Швейцарию, Нидерланды, США, в какой-то мере Германию и Италию. США, кстати, единственная постколониальная страна, образовавшаяся на базе конфедерации колоний, хотя элементы конфедеративности были присущи в момент образования и Нидерландам, освободившимся от власти испанской короны.

После окончания эпохи мировых войн XX в. число независимых государств стало быстро возрастать, в первую очередь за счет Азии и Африки. Возникали они в основном на унитарной основе, лишь изредка с элементами конфедерации (как в случае с Малайзией; к неудавшейся попытке такого рода надо отнести проект Соединенных Штатов Индонезии). При этом скрепами для такого рода новых национальных государств являлась, как правило, религия большинства жителей и их правителей. Это хорошо видно на примере той же Малайзии. К числу новых государств с элементами изначально сильной конфедеративности принадлежит и Пакистан, характеризующийся к тому же глубокой сложностью общества, наличием социокультурных трещин и надломов.

ОБРАЗОВАНИЕ И РАСКОЛ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЮЖНОЙ АЗИИ

Уходу англичан из Индии и предоставлению ими политической независимости двум доминионам – Индийскому Союзу и Пакистану – посвящена обширная литература. Для удобства ее можно подразделять на историографические эпохи и национальные школы и традиции. Не занимаясь здесь такого рода анализом, отметим лишь, что изучение проблем, связанных с разделом колониальной Индии, сохраняет свою актуальность и продолжается в наше время. Основными причинами актуальности выступают проблема Кашмира и антагонизм двух «вечных соперников», обладающих с конца прошлого века солидным арсеналом ракетно-ядерного оружия. Устойчивый интерес, отчасти в связи с этим, сохраняет тема армии в Пакистане, ее места в государстве, роли в обществе и «строительстве нации». Значимость проблематике раздела 1947 г. придает также неординарность судьбы Пакистана, поскольку через четверть века от него откололось новое государство – Бангладеш, а сам он в геополитическом плане сместился в сторону Ближнего и Среднего Востока и занял буферную, промежуточную зону между двумя геодемографическими массивами – южноазиатским и ближнесредневосточным.

Соответственно с запросом на исследования не иссякает их предложение. Только за последние несколько лет в Пакистане и Индии, США и Канаде вышли монографии М. Дж. Акбара, А. Джалал, С. П. Коэна, Ф. Ольденбурга, Т. В. Пола, А. Шаха, К. Фэер [Akbar, 2011; Jalal, 2014; Cohen, 2004; Oldenburg, 2010; Paul, 2014; Shah, 2014; Fair, 2014]. Среди западных школ изучения современных проблем Южной Азии и мусульманского Востока выдвинулась французская школа благодаря в первую очередь трудам О. Руа, Ж. Кепеля, Ж.-Л. Расина и К. Жаффрело. Перу последнего принадлежит почти 700-страничная монография «Парадокс Пакистана: нестабильность и сопротивляемость» [Jaffrelot, 2015]. Она оказалась наиболее интересной и информативной для выбранной темы¹. Это, конечно, не означает, что автор прошел мимо других заслуживающих внимания работ отечественных и иностранных авторов.

Что касается книги К. Жаффрело, то отметим прежде всего, что, освещая истоки Пакистана, он делает акцент на социопсихологическом аспекте, а именно на том, что мусульманская элита, привыкшая управлять Индией на протяжении многих столетий, не придавала значения численному превосходству немусульман над мусульманами в населении (в соотношении 4:1). Любопытно, что негласный лидер этой элиты Сайед Ахмад Хан, основавший в конце XIX в. Алигархский колледж для мусульман, желавших получить западное образование, не отказываясь при этом от своей религии и культуры, сравнивал мусульман и индусов с двумя глазами одного человека, чем подчеркивал как равенство, так и единство двух общин [Jaffrelot, 2015, p. 48]. Алигархская школа и возникшее в ее рамках умеренно-критическое по отношению к колониальным властям политическое течение положили основание для возникновения партии Мусульманская лига, одним из лидеров которой вскоре после ее создания в 1906 г. стал будущий «отец-основатель» Пакистана М. А. Джинна.

Во время Первой мировой войны позиции двух крупнейших элитных по составу общинских партий, Лиги и Национального конгресса, сблизились, и они заключили в 1916 г. пакт о сотрудничестве в Лакхнау. По нему Конгресс признал право Лиги высту-

¹ Французский автор хорошо известен и по другим работам, посвященным истории Индии и Пакистана, он поддерживает творческие контакты с ведущими специалистами, работающими в Европе, Канаде и США, в частности с пакистанкой по происхождению Фарзаной Шейх, автором монографий об истоках Пакистана и пакистанской идентичности [Sheikh, 1989; Sheikh, 2009] (см. ссылки на ее работы: [Филимонова, 2013, с. 56, 68, 86]).

пать от лица мусульман на учрежденных первой конституционной реформой 1909 г. выборах в центральные и провинциальные законодательные советы [Алаев, 2006, с. 318].

На последнем этапе войны оппозиция властям умеренно настроенных верхов сменилось массовым движением протеста против политики англичан внутри страны, а главное, за ее рубежами, на Ближнем Востоке, где Великобритания, к возмущению индийских мусульман, вела дело к ликвидации власти Османского султана, который был халифом для мусульман, «предводителем правоверных». Охватившее массы Халифатистское (Халифатское) движение (1919–1922) было поддержано новым популистским лидером Конгресса М.К. Ганди, который был даже избран президентом соответствующего комитета. Одновременно он возглавил движение гражданского неповиновения в индийских традициях ненасильственного сопротивления («ахимсы») [Куценков, 2017, с. 90].

Размах этих движений, затронувших мусульман в относительно большей степени, чем индусов, вызвал кризис Мусульманской лиги, которая не смогла, в отличие от Конгресса, возглавить популистское движение, сохранив позиции среди элиты и средних слоев. На первый план в период борьбы за халифат вышли богословы, такие как молодой Маулана Абдул Калам Азад, будущий первый министр образования Республики Индии, и религиозно-политические деятели, прежде всего братья Мухаммад и Шаукат Али. Значительная часть халифатистских лидеров после спада движения, последовавшего вслед за упразднением в Турции султаната и халифата, присоединилась к Конгрессу, образовав группу «мусульманских националистов» (мусульман – членов Национального Конгресса). Мусульманская лига, несмотря на все усилия М. А. Джинны, надолго потеряла роль главного выразителя интересов общиндийской мусульманской общины [Уолперт, с. 161–168].

Этому косвенно способствовала политика колониальных властей. В 1919 г. они провели законодательную реформу, ослабившую власть центра и усилившую prerogatives провинций. Центр управления Британской Индией сместился на провинциальный уровень². Органы власти в провинциях разделились на «силовые», как мы бы сейчас сказали, находившиеся в ведении англичан, и несиловые (образование, здравоохранение, самоуправление и развитие), отданные в распоряжение индийцев (система получила название «диархии», двоевластия). Выборы, в которых имел право участвовать небольшой процент населения в соответствии с цензом образования и дохода, проводились по общей и специальным куриям, в том числе мусульманской [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 37; Brown, 1994, p. 208].

Продолжением реформы стал британский Закон об управлении Индией 1935 г. Ввиду несогласия с ее положениями большинства представителей княжеств в действие была введена только та его часть, которая касалась провинций. Закон предоставил индийцам право формировать провинциальные кабинеты министров, зависящие от законодательных собраний, и закрепил куриальную систему. Усиление провинциализма и децентрализация управления закладывали семена конфедерации или широкого федерализма в государственную систему, которую унаследовали Индия и Пакистан.

Особенно это касается последнего. Дело в том, что расселение мусульман в Индии было весьма неравномерным. В двух крупнейших по населению и значимости провинциях, Пенджабе (Панджабе), на западе Северной Индии, и в Бенгалии, на ее востоке, они располагали небольшим большинством (57–55%) [A History..., 2004, p. 152]. В центральной части севера Индии, которая после ряда переименований стала называться Объединенная провинция Агры и Ауда, а чаще просто Объединенная провинция (ОП), мусульмане составляли 15%, но именно в ней наиболее сильны были позиции элиты из их числа. На проведенных в соответствии с Законом 1935 г. провинциальных выборах весной

² Наряду с ней существовала, условно, Княжеская Индия, в которой вице-король выступал в роли не генерал-губернатора, а представителя Короны в отношениях с наследственными правителями как ее подданными.

1937 г. Мусульманская лига, едва оправившаяся от почти полного забвения, добилась наибольшего успеха именно в ОП. Предложение провинциального отделения Лиги войти в коалицию с конгрессистами было последними отклонено, и в состав сформированного провинциального кабинета вошли мусульмане не из Лиги. Это был удар по ее престижу. К тому же в провинциях с мусульманским большинством партия выступила крайне неудачно.

Безусловная победа Национального конгресса (он сформировал по итогам выборов кабинеты министров в 7 из 11 провинций) и полное поражение Лиги способствовали, как ни странно, усилению последней. Сыграл роль страх мусульманской элиты перед низами, ее фанатерия, острое неприятие факта оказаться под властью индусов, «не имеющих аристократии», а потому и прав на господство. Во многом вследствие этого верхушка мусульман сделала ставку на единственную общеиндийскую мусульманскую партию – Лигу и ее к тому времени бесспорного лидера М. А. Джинну.

Произошло это не сразу и потребовало от Джинны верных тактических шагов. Унаследовав пафос Саеда Ахмад Хана о равном праве мусульман на управление страной, Джинна в ряде выступлений горячо отстаивал тезис о существовании в Индии двух равных друг другу наций – мусульман и индусов («теория двух наций»). Он воспользовался тем, что Конгресс отказался поддержать вице-короля в его решении объявить от имени Индии войну нацистской Германии, не посоветовавшись предварительно с индийцами. Решение руководства Конгресса в декабре 1939 г. отозвать своих представителей из провинциальных органов власти и тем самым отказаться от сотрудничества с метрополией в период так называемой странной войны в Европе было с торжеством воспринято Джинной, который назвал дату отставки конгрессистских правительств «Днем избавления» (Deliverance Day). Не случайно после этого в марте 1940 г. на представительной, как никогда ранее, Лахорской конференции Всеиндийской мусульманской лиги принимается знаменитая резолюция, которая немедленно получила в прессе название «пакистанской».

Стоит обратить внимание на особенности этой декларации, которая была внесена главой правительства Бенгалии Фазлул Хаком и лишь поддержана (seconded) Джинной. В ней говорится, что Лига будет бороться за создание в северо-западной и восточной зонах Индии, где мусульмане обладают большинством, «Независимых Государств, составные части которых будут автономны и суверенны»³. Принципы конфедеративности или сильной федеративности были четко обозначены в основополагающем для Пакистана документе, текст которого предусматривал также возможности территориальных реорганизаций и демаркаций.

Лига смогла существенно укрепить свои позиции в годы Второй мировой войны. Это отразилось на результатах выборов в законодательные собрания центра и провинций зимой 1945–1946 г. По их итогам она смогла обеспечить себе безоговорочное лидерство в своей курии. В апреле 1946 г. выбранные по мандатам Лиги депутаты на специальной конференции в Нью-Дели приняли декларацию, в которой речь шла уже не о двух, а об одном Пакистане и ни словом не упоминалось о суверенности и автономности составляющих его частей. Нет сомнения, что «отец-основатель» страны был сторонником унитарной системы власти и не разделял «провинциализма» ряда других деятелей Лиги, оказавшихся в тени его авторитета.

Унитаризм Джинны строился на двух столпах – исламе как общей религии большинства и языке урду как наиболее соответствующем духу ислама. Значение для него имело

³ «the areas in which the Muslims are numerically in a majority as in the north-western and eastern zones of India should be grouped to constitute 'Independent States' in which the constituent units shall be autonomous and sovereign» [The Transfer of Power, 1966, p. 19]

и то обстоятельство, что урду не был языком какой-то одной провинции, вошедшей в состав образованного в августе 1947 г. независимого доминиона. В то же время он обладал качествами наиболее развитого средства государственного делопроизводства и был вторым после английского языком высшего образования. Особо опасным для единства страны был провинциализм Бенгалии. И не случайно именно туда уже тяжело больной первый генерал-губернатор Пакистана М. А. Джинна совершил вояж в марте 1948 г. Там он мог оценить силу нарождающихся требований провозгласить бенгали вторым официальным языком и почувствовать угрозу ее единству [*Quaid-i-Azam*, s.a., p. 82–98, 107–111]. При всем понимании правящими кругами Пакистана опасности восточнобенгальского сепаратизма и череде попыток справиться с ней избежать последствий «первородного греха» в виде разорванности государства на два территориальных «куска» с далеко расходящимися этнокультурными особенностями населения не удалось. В 1971 г. в Южной Азии на месте одного образовалось два государства с мусульманским большинством – Пакистан и Бангладеш.

ФРАГМЕНТАРНОСТЬ ПАКИСТАНСКОЙ НАЦИИ: БЕЛУДЖИСТАН И ПУШТУНСКИЙ СЕВЕРО-ЗАПАД

В период существования первого, территориально разобщенного Пакистана элементы конфедератизма, присутствующие в Лахорской резолюции, давали о себе знать и в его западном «крыле». В культурно-историческом и этнолингвистическом отношении оно изначально распалось на четыре основные области – Панджаб, занимающий земли в среднем и нижнем течении Инда и его левобережных притоков Джелума, Чинаба, Рави и Сатледжа; Синд, южную низменную часть бассейна Инда, омываемую Аравийским морем; Белуджистан, обширную гористо-пустынную область к западу от Синда, и, наконец, пуштунские районы, узкой полосой протянувшиеся с юго-запада на северо-восток вдоль отрогов Гималаев и захватывающие долину реки Кабул, правобережного притока Инда, известную как Пешаварская, по имени центрального для нее древнего города Пешавар.

После раздела 1947 г. население территорий нынешнего Пакистана пополнилось миллионами беженцев из Индии. Они образовали, условно, два рукава. По одному рукаву в западную, пакистанскую часть Панджаба перебрались, столкнувшись в пути с большими проблемами, потеряв близких и родных, мусульмане из восточных округов англоиндийской провинции Панджаб (Пенджаб). По другому – главным образом из ОП, Дели, княжества Хайдерабад, а также Бомбея, Раджастхана и Гуджарата переехали в Синд более 1 млн мусульман, осевшие главным образом в Карачи, первой столице Пакистана. Урдуязычные в основном мигранты (для примерно 10% из них родным был язык гуджарати) вскоре присвоили себе почетное имя *мухаджиров*, людей, совершивших *хиджру* (переселение в благочестивых целях) по примеру первых сторонников Пророка Мухаммада.

Переселенцы-мусульмане заняли в Панджабе сельские угодья и городскую недвижимость, покинутую сикхами и кастовыми индусами. В то же время многие города Белуджистана и пуштунской Северо-Западной пограничной провинции поначалу обезлюдели. Панджабцы и другие переселенцы из Индии не торопились расселяться в отсталом скотоводческом крае, чье коренное население вело еще в основном полукочевой образ жизни.

Тому же способствовала политическая обстановка. Она всегда была беспокойной на территориях к западу от течения Инда, в первую очередь в стране белуджей. Весной 1948 г. принц Карим, родственник правителя крупнейшего белуджского княжества Калат, поднял мятеж, который едва удалось подавить. Через 11 лет против центральных

властей столь же безрезультатно выступил уже сам хан Калата, к тому времени лишившийся княжеских полномочий по реформе 1955 г. [Talbot, 2012, p. 66–67], которая объединила все территории, включая княжеские (за исключением высокогорных пуштунских наследственных владений), в единую провинцию Западный Пакистан [Ганковский, Гордон-Полонская, 1961, с. 248–249].

Распаду единого Пакистана на два государства предшествовала еще одна административная реформа 1970 г., по которой четыре этнорегиональные провинции западной части тогдашней страны были восстановлены. Реформа завершила процесс ликвидации княжеств, включив владения пуштунских правителей Свата, Дира и Читрала в состав СЗПП и оставив невосстановленными белуджские княжества Калат, Лас-Белу, Макран и Харан.

После эксперимента с демократией, ознаменовавшегося принятием в августе 1973 г. конституции парламентского и федералистского типа, наступил откат. Центральные власти во главе с З.А. Бхутто, земельным аристократом из Синда и ярким политиком популистского типа, пошли на обострение отношений с традиционными лидерами Белуджистана и СЗПП. Ряд крупнейших белуджских племен (марри, менгал и др.) оказал сопротивление, и в 1973–1977 гг. введенная в провинцию пакистанская армия вела кровопролитную войну с ними, скрывавшуюся от глаз широкой пакистанской и мировой общественности [Мукумджанова, 1984, с. 87]. Сопротивление белуджей, достигшее максимума в 1974 г., угасло после смены центральной власти и вывода армии из провинции новым правителем генералом М. Зия уль-Хаком, который освободил 9 тыс. пленников белуджей [Jaffrelot, 2015, p. 371].

В четвертый раз обстановка в Белуджистане обострилась уже в начале нынешнего века в период правления в Пакистане другого военного – генерала П. Мушаррафа. Против центра на этот раз выступило племенное объединение бугти, обычно выступавшее на стороне Исламабада. Вновь введенная в провинцию в 2003 г. пакистанская армия вступила в войну с племенными ополчениями и другими оппозиционно настроенными силами. Напряженность в провинции снизилась после гибели в 2006 г. 80-летнего вождя бугти М. Акбар Хана, но далеко не нормализовалась [Grage, 2013].

Не менее острой с момента образования Пакистана вплоть до современного этапа оставалась обстановка в районах преобладающего пуштунского населения. Наиболее однородным районом по этническому составу, почти стопроцентно пуштунским (точнее, пахтунским, в соответствии с восточным диалектом общего для этнических афганцев языка пушту), является полоса горных племен вдоль границы с Афганистаном. В колониальное время она именовалась Северо-Западным пограничным агентством, а в независимый период стала известна как Территория племен федерального управления (ТПФУ). М. А. Джинна обещал и вывел правительственные войска из полосы племен. Но это не остановило часть горцев во главе с воинственным муллой Факиром из Ипи от провозглашения «Свободного Пуштунистана» в 1949 г. Подавленный с помощью авиации мятеж был первым эпизодом в борьбе горных племен против пакистанских властей. В этом их, да и всех пуштунов, считая их своими соотечественниками, активно поддерживало правительство в Кабуле, что вызывало кризисы в пакистано-афганских отношениях вплоть до полного разрыва в 1961–1963 гг.

Пуштунское национальное движение⁴ между тем расслоилось на верхушечное во главе с выходцами из племенной знати и более массовое, подпадавшее под все большее влияние богословов и их партий – *Джамаат-е ислами* (Исламское общество) и *Джамит-е улема-е ислам* (Сообщество исламских богословов). Такое расслоение серьезно ослабило пуштунское движение, тем более что пакистанская элита постаралась инкорпо-

⁴ Об истории этого движения в 1940–1960-х гг. см.: [Ганковский, 1967, с. 170–194].

рировать в свои ряды представителей пуштунских верхов, в том числе ведущих политиков.

Успехом при этом стал переход Хана Сахиба (брата Гаффара Хана) на сторону центра. Он согласился стать главным министром единой провинции Западный Пакистан. Неясно, до какой степени загадочное его убийство в 1957 г. связано с «изменой пуштунскому делу», но очевидно, что оно не помешало элите пуштунов сохранить видное место в составе пакистанского правящего класса. Достаточно отметить, что пост генерал-губернатора в первой половине 1950-х гг. занимал пуштун Гулам Мухаммад, а первым главнокомандующим, а потом и президентом был другой пуштун – М. Айюб Хан. Пуштуны еще дважды занимали пост главы пакистанского государства. Выходцем из их среды был второй военный президент А. М. Яхья Хан, при котором армия пошла на упомянутое выше восстановление этнорегиональных провинций, но не смогла удержать страну от распада, а также президент из высших гражданских чиновников – Г. Исхак Хан. Ему власть перешла после гибели в авиакатастрофе военного диктатора генерала М. Зия уль-Хака в 1988 г. Все же позиции пуштунов в правящей элите постепенно слабели, и после отставки Исхак Хана в 1993 г. они вплоть до последнего времени не занимали высшие должности в государстве и армии.

ДОМИНИРУЮЩАЯ РОЛЬ КАРАЧИ И ПАНДЖАБА

На первых порах после образования Пакистана главные позиции в его правящей верхушке оказались у представителей мухаджиров, поселившихся в Карачи и соседнем с ним городе Хайдерабад. Элита мусульман из провинций, где они были в меньшинстве, еще до раздела заняла центральное место в руководстве Мусульманской лиги. Правой рукой М. А. Джинны, гуджаратца по родному языку, был Лиакат Али Хан, член высокородной землевладельческой фамилии из ОП, пост председателя партии занимал Ч. Халикуззаман, богатый землевладелец из той же провинции, а должность генерал-губернатора после смерти Джинны в сентябре 1948 г. занял Х. Назимуддин, представитель восточнобенгальского отделения Лиги, не знавший бенгальского языка. Его предки, по некоторым сведениям шииты, переселились в Бенгалию из Кашмира только в XVIII в. [Jaffrelot, 2015, p. 73]. Эти и другие родовитые переселенцы, стремившиеся создать «государство для себя», добившись цели, стали искать союзников среди местной аристократии.

Их выбор, естественно, пал в первую очередь на панджабские семьи земельных магнатов, хотя те лишь на последнем этапе поддержали идею Пакистана. Потребовалось, однако, немало времени, прежде чем панджабцы смогли занять доминирующее положение в правящей элите. В конце 1950-х гг. их число в руководстве армии (47 старших офицеров) было меньше количества пуштунов (17 против 19) и лишь немного превосходило численность мухаджиров (11) [Cohen, 1998, p. 44]. Среди высшей бюрократии и чиновничества представительство панджабцев оставалось меньше их удельного веса (почти 60%) в населении Западного Пакистана.

Положение стало меняться в 1970–1980-х гг. З.А. Бхутто провел реформирование госаппарата, нанеся сильный удар по мухаджирам и пуштунам. Проведенная им национализация (без компенсации) крупных частных предприятий, банков и страховых компаний ударила главным образом по гуджаратцам, членам шиитских торговых каст, исмаилитам бохра и ходжа, а также суннитам-мемонам (о них см. [Левин, 1970, с. 17–45]). Пострадали и видные пуштунские торгово-промышленные группы, связанные с режимом Айюб Хана. Многие из «монополистов», как их тогда называли, были вынуждены перевести свои капиталы за рубеж, открыв перспективы для панджабцев, хотя и среди них

были потерпевшие, в частности отец будущего премьера Наваза Шарифа (группа «Итте-фак») [Левин, 1984, с. 42].

После казни З. А. Бхутто в 1979 г. позиции панджабцев еще более усилились. При Зия уль-Хаке, первом панджабце во главе государства, выходцы из крупнейшей провинции стали явно преобладать в высшем армейском руководстве и центральном гражданском аппарате. Можно предположить, что путем «панджабизации» сложилась общепакистанская правящая элита (известная с 1990-х гг. как «истеблишмент») и остающаяся в целом, по-видимому, неизменной с тех пор. Американский специалист по Пакистану и его армии С. П. Коэн, популяризируя это понятие, ссылается на статьи С. М. Хусейна, журналиста и государственного деятеля (сенатора и министра при Мушаррафе), в которых он характеризует ее как неформальную группу богатых и влиятельных людей, всего порядка 400–500 человек, которые решают в критические моменты судьбы страны [Cohen, 2004, p. 69]. В эту негласную и аморфную правящую элиту, объединенную групповыми интересами и целями, входят как профессиональные военные, так и политики, а также бюрократы и юристы, родственно и социально тесно связанные с кланами крупных землевладельцев и промышленников. К. Жаффрело отмечает, что в истеблишмент на современном этапе входят примерно 2 тыс. человек. В этой узости и стабильности элиты французский автор видит одно из главных объяснений парадокса пакистанской стабильности [Jaffrelot, 2015, p. 634].

ЭЛЕМЕНТЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И ФЕДЕРАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Современным представляется этап, начавшийся после кризиса власти в 2007–2008 гг. Он положил конец последнему периоду прямого правления военных и знаменателен попытками демократизации формы правления и федерализации ее системы. Проведенные в феврале 2008 г. всеобщие парламентские выборы на первый взгляд прошли без вмешательства военных и бюрократии, но были, как оказалось позднее, далеко не идеальны. Проведенное в 2011 г. расследование Комиссии по выборам признало 65% голосов, поданных в Белуджистане, поддельными [Jaffrelot, 2015, p. 146]. В других провинциях масштабы подтасовок были, очевидно, меньше. Как и ожидалось, на выборах в федеральный парламент победила Пакистанская народная партия (ПНП), чей популярный лидер Беназир Бхутто, дочь З. А. Бхутто, дважды, в 1988–1990 и 1993–1996 гг., занимавшая пост премьер-министра, в конце 2007 г. погибла в результате теракта на предвыборном митинге. Под угрозой импичмента президент П. Мушарраф, расставшийся, в конце концов, с генеральским мундиром, подал в отставку в августе 2008 г., и на его место был избран глава ПНП – овдовевший муж Бхутто А. А. Зардари. Несмотря на сложность отношений между двумя партиями, разделившими между собой голоса по итогам выборов – ПНП и Пакистанской мусульманской лигой (Н), т.е. Наваза Шарифа, который тоже два раза в 1990-х гг. возглавлял кабинет министров, парламентская система оказалась на удивление прочной.

В апреле 2010 г. парламент принял 18-ю поправку к конституции, которая отменила многие принятые ранее изменения и вернула республике парламентский формат. Согласно поправке, усилился федералистский характер конституции за счет сокращения списка вопросов, законодательные решения по которым отданы центру. Поправка закрепила решение 7-й Национальной финансовой комиссии (НФК), постановившей не менее 57.5% бюджетных средств отдавать в распоряжение провинций вместо 45% в годы правления П. Мушаррафа, проводившего политику централизации, направленную на ущемление прав провинций. При распределении финансовых ресурсов между провинциями НФК отказалась от учета лишь доли населения, но ввела другие критерии, такие как низ-

кий уровень дохода и объем производимого продукта. Панджаб в итоге получил на 5% меньше распределяемых среди провинций средств, чем по ранее действовавшей схеме, но выиграл за счет центра [Jaffrelot, 2015, p. 185; *The Future*, 2011, p. 152].

Таким образом, элементы федерализма на современном этапе были несколько усилены, что в целом положительно сказалось на общественно-политической обстановке. Именно это, как думается, позволило парламентскому режиму впервые в истории страны просуществовать до конца отведенного конституцией 5-летнего срока, сформировать переходный кабинет министров за два месяца до проведения выборов и провести их в мае 2013 г. По их результатам произошла предсказуемая «смена караула». Абсолютную победу одержала партия Наваза Шарифа, что усилило доминирование панджабцев в правительстве. Кстати, после мухаджире П. Мушаррафа только панджабцы (А. П. Кияни, Р. Шариф и К. Баджва) заступали на пост начальника штаба армии, становясь фактически командующими всеми вооруженными силами.

Вместе с тем на выборах в законодательные собрания провинций 2013 г. Лига не имела шансов в Синде, где победили ПНП и мухаджирская партия А. Хусейна (*Муттахида кауми мувмент*, т.е. Объединенное национальное движение), а также в провинции Хайбер-Пахтунхва – такое название по решению парламента получила СЗПП в 2010 г. Там победу одержало Движение справедливости (*Техрик-е-инсаф*) во главе с новой фигурой на авансцене парламентской политики знаменитым в прошлом спортсменом-крикетистом, пуштуном из Панджаба Имраном Ханом.

Образованное партией Шарифа правительство, в свою очередь, просуществовало пятилетний срок, хотя лидеру партии пришлось летом 2017 г. уйти в отставку из-за обвинений в коррупции и «нечестности». Через год они привели Наваза и его ближайших родственников (дочь и ее мужа) на скамью подсудимых, а затем и в тюрьму. Между тем победу на выборах в июле 2018 г. одержала партия И. Хана. Став премьером, он обратился к нации с призывом проявить «сострадание к бедным, встать на путь аскетизма» [*Prime Minister*, 2018].

Многие наблюдатели полагают, что успех партии Имрана и расширение рядов его сторонников за счет независимых депутатов стали возможными благодаря закулисной роли армии. Военные сумели, судя по всему, сплотить вокруг себя часть политического класса, которая на выборах опиралась на поддержку все более многочисленных средних городских слоев. Ряд региональных партий сохранили свои позиции благодаря опоре на сельский электорат. Создается впечатление, что тенденция отсечения на задний план политиков из числа пуштунов и других представителей этнических меньшинств и отсталых районов страны сменилась на противоположную, но сколь длительным и сильным будет этот тренд, сказать трудно.

Стоит заметить, что наблюдающаяся пока устойчивость парламентской системы (проведение выборов в 2008, 2013 и 2018 гг.) не привела сама по себе к решению острых, критически важных для выживания нации проблем. Помимо коррупции, непотизма и некомпетентности к ним относятся продолжающийся кризис в племенном поясе, а также разгул преступности и этноконфессиональные конфликты в Карачи и ряде других мест.

ВНЕШНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Отмеченные только что проблемы во многом вызваны сложной и противоречивой модернизацией общества, резко ускорившейся с 1970–1980-х гг. Если в предшествующий тому период модернизационные инициативы исходили по преимуществу от государства, которое воспринимало импульсы извне и передавало их обществу, то в последней трети XX в. в процесс модернизации вмешались внешние региональные факторы.

Первый из них – появление нефтяных «эльдорадо» на Ближнем Востоке и миграция пакистанской рабочей силы в Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ, Катар и Бахрейн. Переводы от пакистанцев, выехавших на заработки за границу, произвели «незапланированную» социальную революцию [Hasan, 2012]. Наиболее мобильными оказались на первых порах сельские пуштуны, традиционно наименее забытые и физически крепкие люди, привыкшие к отходничеству в виде службы в армии и работы водителями автотранспорта, сторожами-телохранителями и т.п. Вслед за ними на Ближний Восток двинулись панджабцы из северных округов, а впоследствии и представители южных областей бассейна Инда. Трудовая эмиграция стала приносить в казну государства миллиарды долларов, вплотную приближаясь к выручке от товарного экспорта [Жмуйда, Морозова, Шах Наваз, 2007, с. 45–49; Каменев, 2018, с. 144–145]. Обусловленные денежными переводами перемены⁵ нарушили иерархию традиционных общин. Выходы из малоземельных, ремесленных и обслуживающих групп населения становились нередко богаче, а потом и образованнее представителей традиционных землевладельческих слоев. Приобретение земли, а также тракторов и других средств интенсификации сельскохозяйственного труда не только способствовало росту урожайности, но и привносило конкуренцию, усложняя социальную обстановку. Разрушение былого равновесия захватывало не только сельскую местность, но и городскую периферию, сеть малых и средних городов [Hasan, 2011].

Последствия обострившейся с рубежа 1970–1980-х гг. ситуации в Афганистане превратились в другой внешний фактор. В Пакистан бежали сначала сотни тысяч, а потом миллионы афганцев, главным образом из пуштунских областей юга и востока страны [Жмуйда, Морозова, Шах Наваз, 2007, с. 29–39]. На сооружение лагерей для беженцев и создание условий для их существования, обучения и подготовку, в том числе военную, в целях диверсионной борьбы с правительственными афганскими и советскими войсками тратились миллиарды долларов. Деятельность государственных и негосударственных организаций, поддерживаемая прежде всего Вашингтоном, привела к подрыву традиционного порядка в приграничной полосе пуштунских и белуджских племен. Навязанные перемены породили реакцию в виде усиления религиозных настроений и их радикализации.

В 1990-х гг. вслед за падением левого режима М. Наджибуллы Афганистан охватила многолетняя междоусобная война, поглотившая устремления и заботы оставшихся на пакистанской территории миллионов афганских беженцев. Новая волна миграции захлестнула Пакистан после разгрома исламистского режима Талибан в Афганистане в 2001–2002 гг.

Острая фаза борьбы с талибами, пережившими второе рождение, пришлось на конец 2000-х гг. Тогда же обострилась ситуация на пуштунском северо-западе Пакистана. В 2009 г. местные талибы установили контроль над рядом его районов, но получили отпор со стороны армии. С начала нынешнего десятилетия они усилили проникновение в Карачи, где стало одновременно быстро увеличиваться пуштунское население. По ряду оценок, число пуштунов, «оберегаемых» и контролируемых в основном талибами, достигло в конце 2010-х гг. 4–6 млн человек, в то время как количество мухаджиров – 7–9 млн [Jaffrelot, 2015, p. 144]. Крупнейший пакистанский мегаполис превратился в самый крупный пуштунский (афганский) город мира [Hippler, 2012, p. 5].

Пик террора, связанного по большей части с вылазками талибов и их попытками отобрать рычаги контроля и влияния в Карачи у мухаджиров, давно имеющих свои военизированные группировки, пришелся на 2011–2013 гг. После формирования правительст-

⁵ Часть переводов осуществлялась в обход официальных каналов по веками опробованным системам расписок «хунди» и устным взаимозачетам «хавала».

ва Н. Шарифа «накал страстей» удалось снизить путем планомерных карательных спецопераций. Активные антитеррористические действия пакистанские власти развернули и в ТПФУ, в первую очередь в агентствах (округах) Северный и Южный Вазиристан. Ответные вылазки боевиков оказались чувствительными, но не смогли подорвать решимость армии, государства и общества покончить с разгулом преступности.

Жестокая борьба, которую вооруженные силы вели в Карачи и зоне племен против проталибски настроенных пуштунов, обернулась, вероятно, обострением отношений между панджабскими (вкуче с мухаджирскими) группами влияния и пуштунскими общественными кругами [*Pakhtun movements*, 2018; *Pushtun Protection*, 2018]. Существенным предостережением представляется мнение С. П. Козна, которое он высказал еще в начале 2010-х гг. Касаясь «внутренней смуты», охватившей Белуджистан и пуштунские земли, он подчеркнул, что «главная угроза» для Пакистана исходит от пуштунов, которые вольно или невольно маскируют этническую идентичность религиозным радикализмом [*The Future*, 2011, p. 24]. Как отмечает другой автор того же сборника статей (Дж. Уайт), для пуштунов-исламистов из «Техрик-е талибан Пакистан» важны обе идентичности, религиозная и этническая. Первая помогает им расширить круг сторонников за счет тех же панджабцев, главным образом из южных округов провинции, которые тоже недовольны армией и федеральными властями⁶. Вторая спланирует «низовую» националистический протест [*The Future*, 2011, p. 252].

Еще один фактор регионального воздействия на Пакистан связан с положением в индийском Кашмире, контроль над которым оспаривает Исламабад. Его политика морально-политической, а на деле и вполне материальной, поддержки антииндийских сил в штате Джамму и Кашмир отражает сильные позиции «партии войны» против Индии в общественно-государственных кругах Пакистана. Обострившаяся с 2016 г. ситуация в населенной мусульманами-суннитами Кашмирской долине [Мелёхина, 2017] способствует перераспределению средств «на оборону», уменьшая возможности становления экономически сильной нации.

ДИНАМИЗМ ОБЩЕСТВА И КОНСЕРВАТИЗМ ГОСУДАРСТВА

По мнению известного пакистанского социолога М. А. Кадира, развитие его страны неуклонно ускоряется. Это отражается в экономическом и демографическом росте, абсолютном и относительном увеличении городского населения и признаках современного урбанизма, захватывающих сельские местности в ареале орошаемого земледелия, прежде всего в северном и восточном Панджабе и восточном Синде (по левобережью Инда). Население Пакистана за 70 лет существования выросло, грубо, с 30–35 млн до 200–210 млн человек, т.е. примерно в семь раз (подр. см.: [Каменев, 2018]). Даже среди стран Южной Азии у Пакистана нет равных по этому показателю. Плотность населения возросла с 40 человек до почти 300 человек на 1 кв. км, а на равнине Инда, в провинциях Панджаб и Синд, существенно превысила эту высокую планку.

В реальности это привело к скоплению людей в крупных, средних и малых городах, а также больших деревнях, которые у нас в свое время называли сёлами. М. А. Кадир предложил термин «руралополис» для обозначения промежуточной зоны между городской и сельской местностью [Qadeer, 2006, p. 313]. Другое название для нее – «пери-урбан», периферийно городская полоса, с высокой плотностью и близостью к крупным и крупнейшим городам [Ali, 2002].

⁶ О политических баталиях, связанных с административным статусом отсталого южного Панджаба, отличающегося к тому же в лингвистическом и историко-культурном плане от остальной части ведущей провинции страны (см.: [Филимонова, 2016]).

Урбанизм в Пакистане имеет свои особенности – жизнь в городах и городских пригородах отличается динамичностью, но ее качество остается в целом крайне низким. Многодетность и скученность проживания, бедность и глубокая нищета, обилие трущобных кварталов, хаотичное движение разнокалиберных транспортных средств, отсутствие канализации, нехватка обеззараженной воды, хронические перебои с подачей электричества – все это свидетельства тяжелых, напряженных условий жизни в городах, прежде всего для семей с низкими и средними доходами [Хайцева, 2017].

Между тем государство длительное время уделяло мало внимания проблеме городов и вообще социальному развитию. С 1970-х гг. оказались заброшенными программы планирования семьи, поощрения кооперативов, на самотек были отданы вопросы поддержки низов общества. Улучшение социальных условий было отдано частной инициативе, благотворительности, распространенной достаточно широко как на сугубо гуманитарной, так и конфессиональной основе [Qadeer, 2006, p. 143–145]. Между тем, по данным международных негосударственных организаций, проблема бедности и нищеты в Пакистане «зашкаливает». По их подсчетам, 64% жителей деревень безземельны, а 48% горожан проживают в трущобах. В целом на 2012–2013 гг. 44% пакистанцев жили в бедности, а 20% нищенствовали [Jaffrelot, 2015, p. 369–370].

Неудивительно, что при таком положении государство и гражданское общество ориентируются в основном на так называемый средний класс. Если считать, что к нему относятся семьи с относительно высокими для страны доходами и лица свободных профессий, то он в Пакистане составляет приблизительно 15–20% населения и сосредоточен в основном в Карачи, Лахоре, Исламабаде и ряде других многолюдных городов. Там их удельный вес повышается до 30–50%, а наиболее богатые чувствуют себя особой кастой, отстоящей неимоверно далеко от остального населения [Suburban, 2017].

Пакистанское государство отличается высокой степенью консерватизма. На протяжении всего периода существования оно функционирует в условиях противостояния гражданских (парламентских) и военных институтов. Конкуренция между военно-гражданской бюрократией, политическим и судебным-адвокатским сообществами затмевает иногда общие интересы, ухудшая национальные перспективы. Вместе с тем нельзя и преувеличивать значение противоречий между сословно-профессиональными и институциональными корпорациями. Они устроены пирамидально, и верхи каждой из пирамид пересекаются и перекрещиваются друг с другом, образуя, как отмечалось выше, единую в социальном и политическом отношении элиту.

При этом современное крыло гражданского общества формируется под западным воздействием и остается слабым и изолированным. В неортодоксальном, «эндогенном» сегменте негосударственных организаций видное место занимают радикальные исламские партии и массовые движения. Некоторые военизированные исламистские группировки, по мнению наблюдателей, пользуются поддержкой государственных структур безопасности, в первую очередь военных. Среди них ведущую роль играет знаменитая Межвойсковая разведка (Inter-Service Intelligence) [Чекризова, 2016; Fair, 2014].

* * *

Подводя итоги, нужно подчеркнуть, что пакистанская нация в основном сложилась. Помимо обратной идентичности, т.е. отталкивания от Индии и упора на силовые методы борьбы с ней, выработалась позитивная самоидентификация, базирующаяся не только на представлении об общей религии, но и на осознании принадлежности к единой территории – бассейну Инда. Чувство «сыновей земли», которое отсутствовало у первого поколения переселенцев из Индии, присуще их детям, внукам и правнукам. Представление о наличии во многом общей для пакистанцев истории, культуры и особой этики «человека Инда» разделяется, судя по всему, значительной частью образо-

ванного пакистанского населения⁷. По итогам опроса, проведенного международной организацией в 2005 г., большинство пакистанцев (до 70% и выше) ассоциируют себя в большей степени с общенациональным, нежели этническим сообществом [Do Pakistanis, 2018].

Массовое сознание в Пакистане, формируемое, как и в других странах, национальными средствами информации, испытывает в целом высокое доверие к достижениям армии в ее противостоянии с Индией и гордости ввиду наличия у страны, единственной в исламском мире, ракетно-ядерного комплекса. Наблюдавшееся еще в 1990-х гг. жесткое противостояние в оценках недавнего исторического прошлого, в частности роли антиподов З. А. Бхутто и М. Зия уль-Хака, смягчилось. Верхи общества дают детям и внукам заграничное образование, средние слои обладают мобильностью. Низы после разгрома классовых выступлений на рубеже 1970–1980-х гг. остаются слабо организованными. Пирамидально-иерархическая социальная структура обладает, по всей видимости, высокой степенью устойчивости.

Сложившейся в общем и целом нации угрожают ныне центробежные тенденции, «подогреваемые» соседством с Афганистаном. От ситуации в этой стране и на всем Ближнем и Среднем Востоке будет во многом зависеть дальнейшая судьба пакистанской нации. Подоплёкой для вероятных осложнений послужит, кроме того, неблагоприятный демографический и экологический фон, а панацеей могут стать ускоренный экономический рост, улучшение системы образования и эффективные капиталовложения в материально-техническую и социально-бытовую инфраструктуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алаев Л. Б. Индия: национально-освободительное движение и обострение конфессиональных разногласий. Глава 14. *История Востока*. Т. V. М.: Восточная литература, 2006. С. 308–362 [Alaev L. B. India: national-liberation movement and worsening inter-confessional differences Chapter 14. *History of the East*. Vol. 5. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. Pp. 308–362 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана XX век*. М.: ИВ РАН, 2008. 570 с. [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *History of Pakistan 20-th Century*. Moscow: IV RAN, 2008. 570 p. (in Russian).].

Белокреницкий В. Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана) *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. М.: ИВ РАН, 2015. С. 15–34 [Belokrenitsky V. Y. Specific features of nationalism and nation-states in the East (the case of Pakistan). *Nations and Nationalism in the Muslim East*. Moscow: IV RAN, 2015. Pp. 15–34 (in Russian)].

Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р. *История Пакистана*. М.: Изд-во Восточная литература, 1961 [Gankovsky Y. V., Gordon-Polonskaya L. R. *History of Pakistan*. Moscow: Isdatel'stvo Vostochnaya literatura, 1961 (in Russian)].

Ганковский Ю. В. *Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане*. М.: Наука, 1967. 271 с. [Gankovsky Y. V. *Nationality Question and National Movements in Pakistan*. Moscow: Nauka, 1967. 270 p. (in Russian)].

Жмуйда И. В., Морозова М. Ю., Шах Наваз. Пакистан. *Экономические диспропорции и региональная политика государства*. М.: Научная книга, 2007. 240 с. [Jmuida I. V., Morozova M. Y., Shah Nawaz. *Pakistan. Economic Disproportions and Regional Policy of the State*. Moscow: Nauchnaya kniga, 2007. 240 p. (in Russian)].

Каменев С. Н. Демографические процессы в Пакистане. *Восток (Oriens)*. 2018, № 3. С. 133–147 [Kamenev S. N. Demographic Processes in Pakistan. *Vostok (Oriens)*. 2018, No. 3. Pp. 133–147 (in Russian)].

⁷ Об этом свидетельствует, в частности, успех книги известного политического деятеля Э. Ахсана [Ahsan, 2001]. За пять лет с 1996 по 2001 г. она переиздавалась девять раз. Подробнее о его концепции см.: [Белокреницкий, 2015, с. 30].

Культурная сложность современных наций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 384 с. [*Cultural Complexity of Contemporary Nations*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. 384 p. (in Russian)].

Куценков А. А. *Очерки гражданского общества Индии*. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2017. 196 с. [Kutcenkov A. A. *Essays on Civil Society in India*. Pt I. Moscow: IV RAN, 2017. 196 с. (in Russian)].

Мелёхина Н. В. Кашмирский кризис 2016 г.: внутривосточный, региональный и международный аспекты. *Мусульманский мир на исторических рубежах России*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 351–364 [Melyohina N. V. The 2016 Crisis in Kashmir: national, regional and international aspects. *Muslim World at the Historical Borders of Russia*. Moscow: IV RAN, 2017. Pp. 351–364 (in Russian)].

Мукиджанова Р. М. *Пакистан и империалистические державы. 1970-е – начало 1980-х годов*. М.: Наука, 1984 [Mukimjanova R. M. *Pakistan and Imperialist Powers. 1970s-beginning of 1980s*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. 601 с. [*Nationalism in World History*. Moscow: Nauka, 2007. 601 p. (in Russian)].

Уолперт С. *Джинна – творец Пакистана*. М.: Рудомино, 1997 481 с. [Wolpert S. *Jinnah – Creator of Pakistan*. Moscow: Rudomino, 1997 481 p. (in Russian)].

Филимонова А. Л. *Идея национальной идентичности. Опыт Пакистана*. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. 396 с. [Filimonova A. L. *Idea of National Identity. A Pakistani Case*. Moscow–Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013 396 p. (in Russian)].

Филимонова А. Бахавалпур, Сираикистан, Южный Пенджаб: центробежные устремления в пакистанском Пенджабе. *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность*. М.: Наука, 2016. С. 676–699 [Filimonova A. Bahawalpur, Siraikistan, Southern Punjab: centrifugal tendencies in the Pakistani Punjab. *Under the Sky of South Asia. Territory and sense of belonging*. Moscow: Nauka, 2016. Pp. 676–699 (in Russian)].

Хайцева М. Пакистан в начале XXI в.: семья, община, государство. *Азия и Африка сегодня*. 2017, № 10. С. 37–43. [Khaytseva M. Pakistan in the beginning of the 21st century: family, community, state. *Aziya i Afrika segodnya*. 2017, No. 10. Pp. 37–43 (in Russian)].

Чекризова О. П. *Исламский радикализм и экстремизм в конце XX – начале XXI в.* М., 2016. 252 с. [Chekrizova O. P. *Islamic Radicalism and Extremism in Pakistan in the end of the 20th – the beginning of the 21st Century*. Moscow, 2016. 252 с. (in Russian)].

A History of Pakistan and its Origins. Ed. C. Jaffrelot. London; New York: Anthem Press, 2004. 341 p.

Ahsan A. *The Indus Saga and the Making of Pakistan*. Lahore, Nehr Ghar Publications, 2001. 413 p.

Akbar M. J. *Tinderbox. The Past and Future of Pakistan*. New Delhi: Harpers-Collins, 2011. 376 p.

Ali R. Underestimating Urbanization in Pakistan. *Economic and Political Weekly*. Vol. XXXVII, No. 3, 2002, November 2–9.

Brown J. *A Modern India. The Origins of an Asian Democracy*. Second edition. Oxford: Oxford University Press, 1994. 459 p.

Cohen S. P. *The Idea of Pakistan*. Washington DC: Brookings Institution Press, 2004.

Cohen S. P. *The Pakistani Army*. Karachi: Oxford University Press, 1998.

Do Pakistanis vote on an ethnic basis? <https://herald.dawn.com/news/1153691> (Accessed: 07.03.2018).

Fair C. C. *Fighting to the End: The Pakistan's Army Way of War*. New York: Oxford University Press, 2014.

Grare F. *Balochistan. The State Versus the Nation*. Washington: Carnegie Endowment, 2013. 205 p.

Hasan A. *Migration and Small Towns in Pakistan*. Karachi: Oxford university Press, 2011. 205 p.

Hasan A. The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-Economic Change in Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2012. 307 p.

Hippler J. Understanding Pakistan – Basic Problems of Pakistani Society and Politics. http://www.jorgenhippler.de/html/pakistan_-_basic_problems.html pdf-file (published in Understanding Pakistan, Berlin 2012. Pp. 23–36).

Jaffrelot C. *The Pakistan Paradox. Instability and Resilience*. New York: Oxford University Press, 2015. 670 p.

Jalal A. *The Struggle for Pakistan. A Muslim Homeland and Global Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 435 p.

- Oldenburg P. *India, Pakistan, and Democracy. Solving the Puzzle of Divergent Paths*. London and New York: Routledge, 2010. 273 p.
- Pakhtun movements for rights*. <https://www.dawn.com/news/1391731> (Accessed 26/02/2018).
- Paul T. V. *The Warrior State. Pakistan in the Contemporary World*. New York: Oxford University Press, 2014. 260 p.
- Prime-Minister Khan asks nation to have compassion for poor, adopt austerity*. <https://www.dawn.com/new/1427995> (Accessed: 21.08.2018).
- Pushtun Protection Movement. *The New York Times*, 18.04.2018.
- Qadeer M. A. *Pakistan. Social and Cultural Transformations in a Muslim Nation*. London and New York: Routledge, 2006. 338 p.
- Quaid-i-Azam Mahomed Ali Jinnah Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948*. Karachi: Pakistan Publications, s.a. 176 p.
- Shah A. *The Army and Democracy: Military Politics in Pakistan*. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 416 p.
- Shaikh F. *Community and Consensus in Islam. Muslim Representation in Colonial India. 1860–1947*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Shaikh F. *Making Sense of Pakistan*. London: Hurst, 2009.
- Suburban Pakistan vs the rest. <https://www.dawn.com/news/1359818> (Accessed: 25.09.2017).
- Talbot I. *Pakistan. A New History*. Karachi: Oxford University Press, 2012. 281 p.
- The Future of Pakistan*. Stephen P. Cohen and others. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2011. 295 p.
- The Transfer of Power*. Ed. K. Sarwar Hasan. Karachi: Pakistan Institute of International Relations, 1966. 464 p.
- Tilly Ch. *Coercion, Capital and European States, AD 990–1992*. Oxford: Clarendon, 1992.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Vyacheslav Y. BELOKRENITSKY – Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.